

В. Г. Короленко

Колечко

(Из архивных дел)

В. Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 4
Библиотека "Огонек"
М., "Правда", 1953
[OCR Бычков М. Н.](#)

Каждое поколение относится с сожалением или насмешкой к предшествующему.

Фр. Сарсэ.

В 1785 году балахонский мещанин, а серебряных дел мастер, Яснов сделал серебряное колечко. Колечко, надо думать, было сделано с изрядным мастерством, и, вероятно, Яснов имел основание гордиться своим изделием. По крайней мере и он и его сын впоследствии легко могли отличить это колечко, на чьей бы руке оно ни находилось. Однако цена колечку была, по нашему времени, очень невысокая -- всего двадцать пять копеек. Как бы то ни было, в один злополучный день мастер Яснов сделал последний удар резца, почистил, оглядел и отдал колечко по принадлежности, не подозревая, что в этой небольшой вещице он выковал несчастье чьей-нибудь жизни.

А между тем колечку суждено было стать злым талисманом, причинившим впоследствии много хлопот одним, много слез и горя другим.

Впрочем, вначале колечко не имело еще этой таинственной силы, и мы не имеем основания думать, чтобы, по выходе из рук старого Яснова, карьера серебряного колечка представляла что-либо выдающееся. Кто-то носил его, кто-то им щеголял и кто-то, наконец, самым прозаическим образом, снес его в заклад,-- дворцово-зауольской волости крестьянской женке, вдове Фекле Ивановой Шумиловой, которая, в своем горьком сиротстве, занималась отдачею небольших денег в рост, под надежные залого.

Так колечко лежало до времени в хорошей компании разных других предметов украшения и роскоши, коими прабабки нынешних балахонцев прельщали их же прадедушек. Тут были: и шляпка китаешная, и подзышка красная, и чернолапчатая, и кокошник штофный с золотыми галунами, и много других, тому подобных предметов, все той вдове от разных чинов балахонцев и балахонок отданных в минуту нужды под заклад...

Но вот, в одну темную ночь, к горькой вдовице наведались неведомые воровские люди, которые, взломав железным ломом ее сундук, утащили оттуда закладное имущество,-- и шляпку, и подзышку, и многое другое уволокли воровские люди темною ночью -- конечно, не на собственную потребу. Через несколько дней все это очутилось в Нижнем на Почайне и разошлось по свету.

Пошло гулять и роковое колечко, к которому с этих пор прилипла некоторая зараза. Темная ночь, темная работа и руки воровских людей сообщили ему это свойство, заключенное, как таинственная сила, в немой и незримой угрозе, которую деды и отцы наши формулировали очень известной и не потерявшей еще свою силу поговоркой: "от тюрьмы, да от сумы не зарекайся".

Пройдите еще теперь по нижегородскому балчугу, где просвещенной муниципией нашего столетия для порядку выстроены шатры с разными краткими, но выразительными надписями, вроде "здесь обувают и одевают",-- и посмотрите, сколько разного старья переходит тут из рук в руки. Знает ли покупающий, на ком в последний раз было одеяние, которое он с такою гордостью напялил за дешевую цену на свои плечи? Может быть, бывший владелец этого пиджака или этой фуражки уже лежит в сырой могиле, оставив своему неведомому преемнику зародыши своей смертельной болезни,-- оспы, дифтерита, чахотки. И владелец, за самую дешевую цену приобревший одеяние, гордо уходит с толкучки, окруженный невидимым облаком смерти... Кто спрашивает об этом и какому русскому человеку внушите вы по этому поводу какие-либо опасения... В животе и смерти,-- говорит русский человек,-- бог волен. А прошлые века оставили нам и еще другую поговорку: от тюрьмы и сумы не зарекайся.